

ИРИНА
МУРАВЬЕВА

ЖЕНА ИЗ ТАИЛАНДА

Высокая проза

Эта проза странная. Издатели пытаются ее уткнуть в жанр «женской прозы», а жанр для нее маловат, трещит по швам. Слишком живое, слишком настоящее.

Михаил Шишкин

Ирина Муравьева – самый, по-моему, интересный русский зарубежный прозаик новейшего времени. Безупречная память, тонкий слух, высокопрофессиональная наблюдательность и дар сострадания – что еще нужно хорошему писателю? Всем этим обладает Муравьева. Бог ей в помощь.

Александр Кабаков

Ирина Лазаревна Муравьева
Сон в летнюю ночь

*Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=176996*

Жена из Таиланда: Эксмо; М.; 2009

ISBN 978-5-699-32616-7

Содержание

* * *

Конец ознакомительного фрагмента.

4

12

Ирина Муравьева

Сон в летнюю ночь

* * *

Она ненавидела свое имя – Роза. Но и английский вариант – Роуз – ей не нравился. Тогда она стала Рейчел, и это сухое острое слово с решительным «й», переходящим в темное беспокойное «ч», прекрасно соединилось с ее подвижным телом, тонкой талией и короткой стрижкой. Оно, это имя, стало частью ее глуховатого смеха, ослепительных черных глаз, всегда невеселых, с застывшим во глубине их страдальческим гневом, длинных и густых черных бровей, яркость которых – вместе с ослепительными глазами – делала лицо почти мраморным. С того дня, когда она вместе с двумя детьми – двухлетним мальчиком и четырехлетней девочкой – приземлилась в нью-йоркском аэропорту и Олег Васильевич стоял в первом ряду встречающих, молодцевато напружинившийся, с огромным букетом только что вынутых из морозильника, запеленатых роз, взволнованный и красный, в майке, на которой была нарисована фрочная «бабочка», что означало шутку – ибо жара, лето, и, разумеется, он пришел в майке, но, с другой стороны, это был особый день, долгожданное событие, поэтому он и нацепил не просто май-

ку, а с намеком на фрак, торжество, праздник, – с того дня прошло ровно двадцать лет. И воды, беспокойной и жилистой, подхватившей столько словесного сору, столько больших и малых смертей, столько болезней, – так много воды утекло за эти двадцать лет, что если бы все ее капли собрались вдруг вместе и так, единым потоком, рухнули в глубочайшую впадину или, на худой конец, в какой-нибудь котлован, то там, внутри впадины или котлована, образовалось бы необозримое, жгучее от соли море и отразило в себе...

Нет, может быть, ничего и не отразило бы.

Рейчел, кстати, не хотела никаких отражений. Она требовала, чтобы жизнь была как ровная, забетонированная поверхность. А рытвины потрясений, гнойники памяти – все это должно остаться внутри, и как можно глубже.

Почему же майским вечером – пышным, светло-синим, когда особенно неумоимо и радостно переливался и грохотал город, оказавшись на «Щелкунчике» рядом с незнакомой женщиной, почему она – сама, первая! – заговорила с ней и, по акценту поняв, что соседка ее родом из России, тут же перешла на родной язык и сказала, что сегодня ровно двадцать лет, как она из Москвы?

О страхах ее никто не знал. Их было много, но этот – по силе своей – равнялся лишь ее навязчивому страху смерти. Пусть ездят другие, пусть они покупают там дачи, ходят по театрам, отбеливают зубы! Ей – нельзя. Ведь даже если их уже нет на свете – ни Теймураза, ни Верико, – лишь рассу-

павшиеся кости, лишь развалившиеся черепа с вытекшими глазами, когда-то похожими на продолговатые мокрые сливы, – все равно они лежат, продолжают рассыпаться, расплзаться и догнивать в той земле. Значит, если она вдруг ступит на ту землю, подошвы ее почувствуют их. Рейчел хотела покоя и, кажется, обрела его, выйдя замуж за Майкла и снова перебравшись в Нью-Йорк после четырнадцати лет жизни с Олегом Васильевичем в Лос-Анджелесе. Олег Васильевич отслужил свое, он выполнил все, что от него требовалось, и наконец – ни на секунду не заподозривший, что Саша не его ребенок, поверивший ей и даже не посчитавший толком сроков беременности, Олег Васильевич начал постепенно вызывать у нее острое раздражение именно тем, что все уже выполнил, а теперь без толку дышал рядом, и рядом сопел по ночам, и – главное – пил кофе, отвратительно оттопырив мизинец.

Будучи уже ничем, совершенно напрасно, без толку! Она не желала ему плохого. Только исчезнуть. Заплатить как можно больше по разводу и исчезнуть. С Майклом, который подвернулся тогда, когда мизинец Олега Васильевича стал особенно гадок, блеснуло поначалу что-то вроде любви и, главное, страсти, а она знала, что это такое, она-то помнила.

Теймураз, хриплое дыхание его.

В Лос-Анджелесе Майкл был всего-навсего одним из многочисленных голливудских продюсеров. Рейчел настояла на том, чтобы он перебрался в Нью-Йорк. В два счета она при-

вела в порядок все его дела, продала один дом и тут же купила другой, гораздо более удобный и в лучшем месте. Олег Васильевич выплатил ей при разводе двести пятьдесят тысяч (ах, Господи, да что такое двести пятьдесят тысяч в Нью-Йорке?), и Майкл стал наконец одним из самых успешных режиссеров-документалистов. Ее волей, ее мозгами! Так что все вроде бы шло хорошо: деньги были, и было что-то вроде любви, ну, скажем так, страсти, но покоя не было, и по-прежнему она покупала вещи только на больших распродажах, чтобы хоть в чем-то не потерять лишнего.

На этом-то он и поймал ее, скользкий бесенок. Маленький рогатый хорек с глазками, похожими на сморщившийся изюм. Он вечно скребся, вечно царапался и попискивал всякий раз, когда Майкл начинал вдруг разбрасываться деньгами, делать дорогие подарки матери, сестрам и дочке от первого брака, – да если он даже просто оставлял официанту щедрые чаевые, Рейчел чувствовала, как бесенок внутри ее просыпается от негодования и, сладострастно урча, впивается коготками в самую печень. И когда эта русская милая женщина на балете «Щелкунчик» обмолвилась, что ей уже пятьдесят восемь (чему поверить, глядя на ее молодое, блестящее от косметики лицо, было просто невозможно!), бесенок внутри Рейчел стал вдруг горячим, как уголь, и тут же – маленький, мускулистый мерзавец! – проскользнул глубоко в ее горло и суховатым голосом удивился:

– Может быть, вы тогда поделитесь своим секретом?

– В Питере, – сказала балетная соседка. – Частная клиника. Европейское оборудование, хирурги! У нас здесь таких нет! Хотите, запишите телефон. Да, вот у меня с собой, вот он, в книжечке. Там это стоит в десять раз дешевле, чем здесь. Я не преувеличиваю: в десять раз.

Вернувшись домой, она села перед зеркалом и жадно, страдальчески, гневно всмотрелась. Сейчас еще ничего, но через пару лет будет ужасно. Откинула шею. И шея тоже. Сорок пять, пора. Значит, если с дорогой и с проживанием прямо там, в клинике, все это обойдется не больше чем в три – три с половиной тысячи. Грех не воспользоваться. Майкл ничего не будет знать. Поехала в Россию навестить родственников. О Москве не вспоминать, не думать. Лететь прямо в Питер, десять дней в клинике, обратно на самолет и домой. Из клиники можно и вовсе не выходить. Десять дней полного отдыха. Отосплюсь.

Утро, в сгустках неуклюжего июньского тумана, похожее на мокрый деревенский платок, пахнущее бензином и только что родившейся в парках травой, приняло Рейчел, заспанную, за свою, но вскоре опомнилось, распознало иностранку и вытолкнуло прямо ей под ноги щуплого, ростом с двенадцатилетнего школьника, мужичка:

– Speak English? Go in town?¹ – начал было мужичок, но она оборвала его:

– Я говорю по-русски.

¹ Вы говорите по-английски? Едем в город? (англ.)

И назвала адрес.

Он покрутил головой – маленькой, птичьей, со спрятанным под кожаную кепочку хохолком – и, недовольный, что заработать, как хотелось бы, не удастся, крикнув, подхватил ее чемодан, свалил его в багажник, и они покатали в разболтанной, прокуренной машине, где над зеркалом была приколота толстоногая Пугачева – вся белая, кудрявая и перетянутая, со своими русалочьими развратными глазами, выплывшими из-под огромной и пышной, как свадебный торт, шляпы.

В клинике, несмотря на раннее утро, никто не спал. Девушка с чудесной темно-русой косой и выпуклым светлым лбом, только что выкурившая сигарету на лестнице и поэтому быстро засунувшая в рот леденец, провела ее в одноместную палату, где негромко работал подвесной телевизор, а ванна была ослепительной, как первый снег, который, однако, здесь, в этом городе, никогда не успевает продержаться в первозданном своем, ослепительном облике из-за ядовитых выхлопных газов. Операцию назначили на одиннадцать, предложили принять душ и немного подремать. Есть нельзя: наркоз.

Рейчел покорно приняла душ, вымыла голову и только опустила ее на хрустящую подушку, как солнечный столб из окна, надвое разрезавший комнату, стал таять, а вкусный, как яблоко, девичий голос протянул: «Ну, прямо! Когда ж я успею?» Через секунду наступило беззвучие. Она спала. Лю-

бая энергичная, располневшая на даровых обедах санитарка, заглянувшая в палату с невыключенным телевизором, увидела бы, что прилетевшая из Нью-Йорка пациентка крепко спит, устав от дороги, – в то время как сама Рейчел (может быть, из-за этой ее неугомонности и вечной тревоги) почувствовала, что давно встала и – свежая, сильная, энергичная – отказалась от ненужной операции, вышла из клиники, поймала такси и поехала на Московский вокзал, чтобы немедленно, с первым же поездом укатить из Петербурга в тот город, где сорок пять лет назад ее покойная мать, визжа и вцепившись ногтями в руку терпеливой и тоже давно уже покойной акушерки, выталкивала окровавленную черноглазую девочку на свет жизни.

Итак, она доехала до Московского вокзала, расплатилась с таксистом – оказался тот же самый, с хохолком и белотелой развратницей, – почувствовала, до чего голодна – так бы и проглотила всю продовольственную палатку, – убедилась, что поступила правильно, не оставшись в клинике и не рискуя своим великолепным лицом, – что они умеют, эти русские? – разыскала буфет, заказала блины с красной икрой, но тут же остолбенела, не донесла до раскрытого рта серебристую вилку с жирным, сладковатым тестом, потому что в буфет, крепко держа за руку маленького Сашу, вошла женщина, знакомая до того, что при ее появлении у Рейчел остановилось сердце.

Кольца на мощных, подвижных пальцах вошедшей были

те же самые, памятные с семьдесят шестого года. Тогда Рейчел, чудом не рухнувшая без сознания, энергичная, волевая Рейчел, вскочила и с пересохшим в горле отвращением двинулась к этой старухе, чтобы вырвать из ее рук все еще почему-то маленького, совсем не подросткового Сашу. Женщина немедленно заслонила Сашу собой, своей черной, шуршащей, как сухая листва, юбкой и что-то гортанно, яростно крикнула, но Рейчел не разобрала ни слова.

Через час стройная, с чудесной косой и светлым выпуклым лбом, медсестра Катя вошла в палату, где недавно прибывшая из Нью-Йорка пациентка все еще спала с искаженным от гнева лицом и запекшимися губами, ласково разбудила ее и повела в операционную, где Рейчел, ненадолго очнувшись от увиденного, снова провалилась, но теперь уже в приятный, золотисто-зеленоватый туман, в котором звучали спокойные голоса, что-то звякало, и один раз густо и горячо пробежало по правой стороне лица соленое и немного колющее существо. А когда с перебинтованной и похожей на маленький белый купол головой, где на макушке топорщились твердые от крови короткие волосы, ее привели обратно в палату, и уже другая, сменившая крутолобую Катю медсестра спросила, что принести на обед, сырников со сметанкой или блинчиков с красной икрой, Рейчел вспомнила привокзальный буфет, и кровь ее больно запульсировала под бинтами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.